

Марк Туллий Цицерон

О СУДЬБЕ

I. (1) ...поскольку¹ относится к нравам, к тому, что греки называют $\eta\theta\omicron\varsigma$; мы же эту часть философии обычно называем «О нравах»², но, чтобы обогатить наш латинский язык, лучше присвоить ей особое название — «моральная» (*moralis*)³.

Следует также объяснить значение и смысл тех высказываний, которые греки называют $\alpha\lambda\epsilon\theta\epsilon\iota\sigma\mu\alpha\tau\alpha$, т. е. тех, в которых говорится что-нибудь о будущем и о том, что может состояться

или не состояться. Вопрос об их значении является темным. Философы называют их высказываниями *περί δυνάτῶν*. И все это относится к «логике», которую я называю искусством рассуждения.

В других моих книгах: «О природе богов», а также «О дивинации» я поступал таким образом, чтобы дать возможность каждой из сторон без перерыва высказать свои мнения, а читателю, чтобы легче было одобрить то, что ему покажется наиболее заслуживающим одобрения⁴. Но в этом рассуждении о судьбе некоторое случайное обстоятельство послужило мне помехой к применению этого метода.

(2) Случилось так, что, когда я находился в своем Путеоланском имении⁵, в тех местах в то же время находился и Гирций, незадолго до того избранный консулом и один из лучших моих друзей, человек чрезвычайно увлекшийся теми же занятиями, которым и я с юных лет предавался. Мы много времени проводили вместе, чаще всего обсуждая разные планы, как добиться установления мира и согласия между гражданами. После гибели Цезаря, казалось, везде появились семена новых волнений, и мы считали, что их необходимо было избежать. Почти все наши беседы сводились к обсуждению этих вопросов, и это продолжалось ряд дней. Но как-то Гирций пришел ко мне в такой день, который оказался свободной обычному от посетителей. Сперва мы поговорили о том, что было предметом наших разговоров ежедневно и как бы узаконенно — о мире и спокойствии.

II. (3) Затем Гирций сказал: «Теперь ты, хотя упражнения в ораторском искусстве совсем, я надеюсь, не оставил, но, наверно, на первое место поставил философию. Так не могу ли я послушать от тебя что-нибудь?»⁶

«Ты можешь, — говорю, — и послушать, и сам поговорить. Я, действительно, — это ты верно сказал, — не оставил занятий ораторским искусством, которым, как я слышал, и ты в последнее время загорелся, хотя и чересчур пылко. И то, чем я сейчас занимаюсь, не только не ослабляет это искусство, но даже дает ему пищу для роста. Ведь ораторское искусство имеет много общего с той философской системой, которой мы следуем⁷: оратор заимствует у Академии тонкость мысли, а взамен отдает ей изобилие и красоту речи. Так что, — говорю, — поскольку в нашей власти оба занятия, сегодня тебе выбирать, каким ты предпочитаешь насладиться». Гирций на это ответил: «Очень любезно с твоей стороны, и это очень похоже на тебя, ты ведь всегда охотно шел навстречу моему усердию. (4) Но так как с твоими мнениями об искусстве красноречия я достаточно знаком, и тебя я часто слушал и буду слушать, а твои “Тускуланские беседы” показывают, что ты, действительно, следуешь этому методу академиков: при обсуждении оспаривать любые выдвинутые положения, то сейчас я хотел бы, если это тебя не затруднит, предложить некоторую тему, о чем я послушал бы». «Разве меня может что-нибудь затруднить, если тебе это будет приятно, — сказал я, — но учти, что слушать ты будешь римлянина и человека, который робко вступает в этот род обсуждений и притом вернулся к подобного рода занятиям после долгого перерыва».

«Я, — сказал Гирций, — буду так же внимательно слушать твои рассуждения, как читал написанное тобой. Итак, начнем».

III. (5) [Большая лакуна]... «В некоторых примерах, как с поэтом Антипатром⁸, как с рожденным в день зимнего солнцестояния, как с братьями, одновременно болевшими⁹, как с мочой, с ногтями и прочим в том же роде, играет роль взаимодействие в природе¹⁰, и я этого не исключаю. Но я отрицаю участие в этом фатальной силы (*vis fatalis*). В других же примерах могли иметь место какие-то случайности, как с тем, потерпевшим кораблекрушение, с Икадием, с Дафитом¹¹. Тут, мне кажется, и Посидоний (прошу прощения у моего учителя¹²) что-то выдумывает. Ведь это же нелепость! Как же так? Если Дафиту была судьба упасть с

лошади и от этого погибнуть, так разве с такой «лошади», которая и лошадьё-то не была, а только носила это название? Или разве оракул предупреждал Филиппа избегать тех колесниц четверней, которые [вырезают] на рукоятках кинжалов? И разве он рукояткой был убит?¹³ Как будто разительный пример с тем безымянным потерпевшим кораблекрушение, который [при этом спасся, а позже] утонул в сточной канаве? Но ведь автор пишет, что ему было предопределено погибнуть в воде! И клянусь Геркулесом, в том, что произошло с разбойником Икадием, я тоже не вижу никакой судьбы. (6) Ведь никто не пишет, что Икадию это было предсказано. Что удивительного в том, что камень из пещеры упал на его голени? Я думаю, что если бы в то время Икадия и не было в пещере, тот камень все равно должен был упасть. Потому что или совершенно нет ничего случайного, или это самое могло произойти случайно. Вот я и спрашиваю (позже это выяснится), если допустить, что судьба вовсе не имеет никакого значения, никакой природной силы, а все или почти все происходит случайно, произвольно, по совпадению, то разве то, что происходит, произошло бы по-другому?

К чему впутывать судьбу, если и без судьбы для всех вещей находится основание или в природе, или в фортуне?

IV. (7) Но, пожалуй, Посидония следует по-дружески оставить в покое. Обратимся к ловушкам Хрисиппа. Сперва ответим ему, пожалуй, по поводу этого самого «взаимодействия вещей», а после займемся остальными вопросами.

Мы видим, как сильно разнится природа различных мест: одни [местности] здоровы, другие гибельны; в одних местах [жители] страдают от насморка, в них как бы избыток жидкости; в других — высушены, сухощавы¹⁴. И еще во многом другом различаются между собой, и очень сильно, разные местности. В Афинах воздух тонкий, из-за чего жители Аттики, как думают, отличаются тонким умом. А в Фивах воздух плотный, и поэтому фиванцы — люди плотные и крепкие. Но не этот тонкий воздух привел кого-то слушать Зенона или Аркесилая, или Теофраста, и не плотный воздух побудил кого-то добиваться победы [в играх] не на Истме, а в Немее¹⁵. (8) Как могут местные условия стать причиной того, что я предпочитаю прогуливаться в портике Помпея, а не на Марсовом поле? Прогуливаться с тобой, а не с кем-то другим? Во время ид, а не календ?¹⁶ Пусть природные условия на некоторые вещи оказывают влияние, на другие — не оказывают никакого.

Также и воздействие звезд влияет, если хочешь, на некоторые вещи, но бесспорно не на все. Но, говорит [Хрисипп], так как люди сильнейшим образом отличаются по своим природным склонностям — одни любят сладкое, другие предпочитают с горчинкой, одни сладострастны или раздражительны, или жестоки, или надменны, другие испытывают отвращение к этим порокам; так как люди настолько различны по своей природе, то что удивительного в том, что эти различия произошли от разных причин?

V. (9) Рассуждая таким образом, он явно не представляет себе, о чем идет речь и в чем состоит причина. Ибо если кто-то более склонен к чему-то по естественным предшествующим причинам, то это не потому, что наши желания и стремления также обусловлены естественными и предшествующими причинами. Если бы дело обстояло таким образом, то ничто не было бы в нашей власти. Я признаю, что не от нас зависит родиться с острым умом или тупым, сильным или слабым. Но тот, кто из этого сделает вывод, что не в нашей воле даже сидеть или гулять, тот не видит, что за чем следует. Пусть верно, что рождение людей, талантливых или тугодумов, крепких или слабых, вызвано предшествующими причинами, из этого не следует, что даже то, что они сели или пошли гулять, или делают что-то, тоже предопределено и предустановлено изначальными причинами. (10) Стилпонт, мегарский философ, был, как о нем сообщают, человеком очень тонкого ума и пользовался в свое время большим уважением. А друзья его пишут, что он был и к пьянству склонен, и женолюбив.

Однако пишут они это не в осуждение Стилпону, а скорее в похвалу, потому что он так сумел наукой обуздать и подавить порочную натуру, что никто никогда не видел его пьяным и не замечал в нем и следа похотливости¹⁷. А Сократ? Разве мы не читали, как Сократа охарактеризовал Зопир, физиогномик (*physiognomon*), претендовавший на то, что он может определять характер и нрав человека по его телосложению, по глазам, лицу, лбу? Этот Зопир определил Сократа как человека глупого и тупого, так как у него ключицы не были вогнуты, а эти части тела, как он говорил, являются помехой и препятствием для ума. Вдобавок он нашел в нем женолюбие, по поводу чего Алкивиад, говорят, разразился хохотом. (11) Но если эти пороки могут произойти от естественных причин, то их искоренение и полное уничтожение — так, чтобы тот самый человек, который был склонен к таким порокам, полностью от них избавился, — зависят уже не от природных причин, а от нашей воли, старания, упражнения (*disciplina*); и все эти вещи потеряют всякое значение, если на основании дивинации подтвердятся сила и природа судьбы.

VI. Если признать существование дивинации, то каковы основоположения этого искусства? Я называю основоположениями то, что по-гречески называется *θεωρήματα*. Ибо я уверен, что как никакой знаток своего дела не может обойтись без всяких основоположений, так же и те, которые, используя дивинацию, предсказывают будущее. (12) У астрологов, к примеру, есть положение такого рода: «Если кто родился, скажем, при восходе Сириуса, тот не умрет в море». Берегись же, Хрисипп, как бы тебе не проиграть своего дела, тут у тебя будет великий спор с очень сильным диалектиком Диодором¹⁸. Раз, скажет он, истинно умозаключение: «Если кто родился при восходе Сириуса, тот никогда не умрет в море», то истинно также и другое: «Если Фабий родился¹⁹ при восходе Сириуса, то Фабий не умрет в море». Поэтому имеется противоречие между «Фабий родился при восходе Сириуса» и «Фабий есть тот, кто умрет в море». А так как мы принимаем как достоверное, что Фабий родился при восходе Сириуса, то будет также противоречие между «Фабий существует» и «Ему предстоит умереть в море», равно как и противоречие в конъюнкции: «Фабий существует и Фабий умрет в море», ибо по условию этого быть не может. Значит, это «Фабий умрет в море» такого рода, что произойти не может. Итак, все, что ложно говорится о будущем, быть не может.

VII. (13) Но это заключение для тебя, Хрисипп, никак не приемлемо, и в этом пункте у тебя с Диодором наибольший спор. Ибо он говорит, что только то может совершиться, что или истинно, или должно стать истинным. И то, что состоится в будущем, необходимо должно состояться, а то, что не состоится, то, считает он, и не может состояться. А ты, Хрисипп, говоришь, что может состояться и то, что не состоится. Например, может разбиться эта гемма²⁰, хотя этого никогда и не произойдет. Ты считаешь, что не необходимо было, чтобы Кипсел²¹ стал править в Коринфе, хотя это за тысячу лет было предсказано оракулом Аполлона. Но если ты действительно вполне доверяешь этим божественным предсказаниям, то ты вынужден признать и то, что все, что будет ложно сказано о будущем, не может состояться. Так, если бы, например, сказали, что [Сципион] Африканский овладеет Карфагеном²², и если это истинно было бы сказано о будущем, и это так и произошло бы, то ты должен был бы признать это необходимым. (14) Но это все мнения Диодора, расходящиеся с вашими. Ибо если считать истинным высказывание вроде «Если ты родился при восходе Сириуса, то не умрешь в море», то первая часть в нем — «родился при восходе Сириуса» — бесспорно необходима (так как все истинное в прошлом необходимо, — это и сам Хрисипп признает, расходясь во мнениях со своим учителем Клеанфом, — необходимо, потому что его невозможно изменить, нельзя ведь истинное в прошлом превратить в ложное); если, стало быть, то, что содержится в первой части этого целого, есть необходимое, значит, и то, что за ним следует, также необходимо. Однако Хрисипп не признает это необходимым во всех случаях. А если существует естественная причина того, почему Фабий не умрет в море, то для Фабия смерть в море невозможна.

VIII. (15) Тут Хрисипп, вспыхнув, может возразить, что халдеи и другие прорицатели допускают ошибку, выражая таким образом свои основоположения; они должны были вместо: «Если кто родился при восходе Сириуса, тот не умрет в море» — лучше выразиться так: «Нет такого человека, который бы и родился при восходе Сириуса, и умрет в море». Забавная вольность! Чтобы не столкнуться с Диодором, он учит халдеев, как им следует излагать свои правила. Спрашивается, однако, если халдеи станут так высказываться, что предпочтут отрицания неопределенных связей [вещей] самим неопределенно связанным вещам, то почему бы так не поступить и врачу? Или геометру? Или другим? Скажем, врач выскажет то, что ему известно из его искусства, не так: «Если у кого пульс бьется²³ вот таким образом, то у того лихорадка», а лучше так: «Нет такого человека, у которого пульс бился бы вот так, и который не болел бы лихорадкой». А геометр скажет не «В шаре наибольшие окружности пересекаются посередине», а «Нет таких наибольших окружностей в шаре, чтобы не пересекались посередине». (16) И есть ли что-нибудь взаимосвязанное, в чем нельзя было бы этим способом перейти к отрицанию связей²⁴. Но ту же самую вещь можно преобразовать и другими способами. К примеру, я сказал: «В шаре наибольшие окружности пересекаются между собой посередине», а могу сказать: «Если в шаре будут наибольшие окружности...», могу сказать: «Так как в шаре есть наибольшие окружности...», и еще многими способами можно выразиться, но ни один из них не будет превратнее того, который Хрисипп советует применить халдеям в угоду стоикам.

IX. (17) Только никто из халдеев так не выражается, потому что, право же, заучить эти речевые выкрутасы потруднее, чем восходы и заходы созвездий.

Но обратимся к проблеме, так занимающей Диодора, — проблеме, которую называют *περί δυνατόν*; в ней исследуется, какое значение имеет то, что может произойти. По мнению Диодора, только то может произойти, что либо истинно в настоящем, либо будет истинным в будущем. Утверждать так, значит, утверждать, что не происходит ничего такого, что не было необходимо, и что все, что может произойти, то или уже произошло, или произойдет в будущем. А это значит, что не более возможно изменить истинное в ложное из того, что произойдет в будущем, чем из того, что уже произошло. Но в отношении уже происшедшего эта невозможность очевидна, а в отношении будущего, поскольку оно скрыто от нас, это неясно. Так, применительно к человеку, которого постигла смертельная болезнь, истинным будет: «Этот человек умрет от этой болезни». Но то же самое, если это истинно сказано о человеке, на котором сила болезни не так отразилась, все же должно произойти. И выходит, что и в будущем также ничего невозможно изменить из истинного в ложное. Ведь [выражение] «Сципион²⁵ умрет» имеет такую силу, что хотя оно высказано о будущем, однако оно не может быть обращено в ложное: ведь оно высказано о человеке, а человек необходимо должен умереть. (18) А если бы было сказано: «Сципион умрет ночью, в своей постели, насильственной смертью», то это тоже было бы истинное высказывание, ибо было бы сказано, что произойдет то, что должно было произойти. А то, что это должно было произойти, доказывается тем, что это действительно произошло. Так что «умрет Сципион» было не более истинным, чем «умрет таким вот образом»; умереть Сципиону было неизбежно, и не менее неизбежно было ему умереть именно таким образом. «Сципион был убит» не может быть изменено из истинного в ложное, и точно так же не может быть изменено «Сципион будет убит». Но хотя это так, все же напрасно Эпикур, испугавшись судьбы, стал искать защиты у атомов, сбил их с прямого пути²⁶ и вместе с тем допустил сразу две непостижимые вещи: во-первых, что что-то может произойти без причины, из чего следует ведь, что из ничего может произойти нечто, а этого ни сам Эпикур, ни другой какой физик не может допустить²⁷; во-вторых, что когда два атома (*individua*) несутся через пустоту, то один из них движется по прямой, а другой отклоняется. (19) Ведь Эпикуру, если бы он согласился с тем, что всякое высказывание либо истинно, либо ложно, можно было бы не опасаться, что все необходимо происходит в силу судьбы. Не в силу вечных причин, проистекающих из естественной

необходимости, является истинным то, что высказано в словах «Карнеад поступил в Академию», но и не вовсе без причин. Есть ведь разница между причинами, случайно предшествующими, и причинами, заключающими в себе природное воздействие²⁸. Так, всегда было истинным высказывание «Эпикур умрет, прожив семьдесят два года, при архонте Пифарете», но вовсе не фатальны были причины, почему это произошло; но так как это событие произошло именно так, то верно, что оно произошло так, как должно было произойти. (20) Те, которые утверждают, что будущее невозможно изменить и что невозможно истинное будущее превратить в ложное, вовсе не утверждают этим необходимость судьбы. Они только разъясняют значение слов. Но те, которые вводят [для объяснения] извечный ряд причин, те отнимают у человека свободную волю и превращают его в раба судьбы.

X. Об этом достаточно, рассмотрим другие вопросы. Заключает Хрисипп еще следующим образом: «Если есть движение без причины, то не всякое высказывание, что диалектики называют ἀξίωμα, будет либо истинным, либо ложным. Ибо то, что не имеет действующих причин, то не будет ни истинным, ни ложным. Но всякое высказывание или истинно, или ложно. Следовательно, нет движения без причины. (21) А если это так, то все, что происходит, происходит по предшествующим причинам. А если это так, то все производится судьбой. И, стало быть, доказано, что все, что происходит, происходит в силу судьбы».

На это я отвечу, во-первых, что если бы у меня была охота в чем-то согласиться с Эпикуром и, в частности, с его утверждением, что могут быть высказывания ни истинные, ни ложные, то я бы скорее пошел на такую крайность, чем согласился с тем, что все происходит в силу судьбы. Потому что мнение Эпикура еще заслуживает обсуждения, но Хрисиппа — [решительно] неприемлемо²⁹. Хрисипп изо всех сил старается доказать, что всякая «аксиома» или истинна, или ложна. Эпикур опасается, что если согласиться с этим, то придется согласиться и с тем, что все, что происходит, происходит в силу судьбы, потому что если одно из двух извечно истинно, то оно также достоверно, а если достоверно, то также необходимо. Таким образом, считает он, утверждается и необходимость и судьба. А Хрисипп точно так же боится, что если он не будет поддерживать мнение, что всякое высказывание либо истинно, либо ложно, то ему не удержать и утверждения, что все происходит в силу судьбы и от вечных причин будущих вещей. (22) Но Эпикур считает, что отклонением атома можно избежать необходимость судьбы. И вот у него родился некий третий вид движения, помимо тяжести и толчка³⁰. Атом у него на чуточное расстояние отклоняется (он это называет ἐλάχιστον). Что это отклонение происходит без причины — это он вынужден признать если не на словах, то на деле. Ведь атом от атома отклоняется не от толчка (plaga). Да и как один из них может толкнуть другого, если отдельные атомы, по Эпикуру, несутся под влиянием своей тяжести отвесно, по прямым линиям. Следовательно, если один атом от другого никогда не отталкивается, то один другого также и не касается. И получается, что даже если есть атомы и их отклонение, то они отклоняются без всякой причины. (23) Эту идею Эпикур придумал вследствие того, что опасался, как бы, допустив вечное, естественное и необходимое движение атомов от тяжести, не лишиться нам всякой свободы действий, поскольку и движения нашей души также определяются воздействием на нее движения атомов. Но сам изобретатель атомов, Демокрит, предпочел признать, что все происходит по необходимости, чем отклонять у неделимых телец их естественное движение.

XI. Остроумнее оказался Карнеад, который показал, что эпикурейцы могли бы защитить свое дело без этого выдуманного отклонения. Ибо если бы они учили, что душе могут быть присущи некие самопроизвольные движения, то это была бы для них, конечно, лучшая защита, чем вводить отклонение, тем более что причины его они отыскать не могут. Защищаясь таким образом, эпикурейцы могли бы легко отразить Хрисиппа. Потому что согласившись с ним, что никакое движение невозможно без причины, они могли бы

отвергнуть его утверждение, что все происходящее происходит по предшествующим причинам, ибо наша воля не нуждается во внешних и предшествующих причинах. (24) Когда, используя ходовые выражения, мы говорим: «Такой что-то желает, или не желает, беспричинно», то мы хотим этим сказать — «без внешней и предшествующей причины», а не без всякой. Это так же, как когда мы говорим: «Сосуд пустой», то мы вкладываем в эти слова иной смысл, чем те физики, для которых пустоты не существует. Мы подразумеваем, что в сосуде нет, скажем, или воды, или вина, или масла. Вот и когда мы говорим о беспричинном движении души, то имеем в виду отсутствие предшествующих внешних причин, но не вовсе без причины. О самом ведь атоме, который движется через пустоту его же собственным весом и тяжестью, можно сказать, что он движется без причины, поскольку на него извне не действует никакая причина. (25) Но чтобы физики всех нас не высмеяли за слова, что нечто происходит без причины, нам следует поправиться и сказать так: «Природа самого атома такова, что он движется своим весом и тяжестью, и это и есть та самая причина, по которой он так движется». Подобно этому не следует искать внешних причин самопроизвольных (*voluntarii*) движений души. Ибо этим движениям свойственна такая природа, что они в нашей власти и нам повинуются. Но они не беспричинны. Причиной их является сама их природа. (26) А если так, то мы вполне можем признать, что всякое высказывание либо истинно, либо ложно. Но почему это обязывает нас признать также власть судьбы над всем, что происходит в мире? На это Хрисипп отвечает: потому что никакое будущее событие не может быть истинным, если оно не имеет причин, в силу которых оно должно произойти. Следовательно, то, что истинно, необходимо должно иметь причины и, таким образом, то, что происходит, происходит в силу судьбы (*fato evenerint*).

XII. Вопрос исчерпан, Хрисипп, если, конечно, тебе необходимо согласиться с тем, что или всем управляет судьба, или что-то может произойти без причины. (27) Но неужели высказывание «Сципион захватит Нуманцию»³¹ может считаться истинным только в том случае, если сцепление причин, идущих от вечности, обусловило это происшествие? Разве оно не могло бы быть ложным, если бы было высказано шестьсот веков тому назад? А если тогда высказывание «Сципион захватит Нуманцию» не было бы истинным, то и сейчас, когда этот город уже разрушен, не является истинным высказывание «Сципион захватил Нуманцию». Потому что разве может что-нибудь произойти, о чем не истинно было бы сказано, что это произойдет? Как мы называем истинным в прошлом то, что действительно произошло в какой-то момент прошлого, так же мы назовем истинным будущее событие, если оно состоится в какой-то последующий момент. (28) Но если мы и должны признать, что всякое высказывание либо истинно, либо ложно, то из этого не следует, что все происходящее вызывается неизменными и вечными причинами, которые исключают то, чтобы какое-либо событие произошло иначе, чем должно было произойти. Есть ведь и случайные причины, такие, которые позволяют считать высказывание вроде «Катон придет в сенат» истинным, хотя эти причины не включены в природу вещей и в мир. И хотя будущее, если оно истинно, так же невозможно изменить, как и прошлое, не следует из-за этого пугаться судьбы или необходимости.

Необходимо признать, что если высказывание «Гортензий прибудет в Тускулан» не истинно, то, следовательно, оно ложно. Эпикурейцы, те, правда, считают, что высказывание может не быть ни истинным, ни ложным, но это невозможная вещь. Не запутает нас также и так называемый ленивый софизм *ἀρῦός λόγος*, как его называют философы, которому если подчиниться, то надо вообще отказаться от всякой активности в жизни. Они ведь, эти философы, так рассуждают: «Если тебе суждено выздороветь от этой болезни, то возьмешь ли ты врача или не возьмешь, выздоровеешь. (29) А если тебе суждено не выздороветь от этой болезни, то возьмешь ли врача или не возьмешь, не выздоровеешь. То и другое — от судьбы. Следовательно, звать на помощь врача нет никакого смысла».

XIII. Этот вид умозаключений справедливо называют «ленивым» или «инертным», потому что при таком образе мыслей из жизни исключается всякая активность. Можно ведь, не употребляя слова «судьба», но придерживаясь этого хода мыслей, высказать следующее положение «Если от вечности было истинным “Ты выздоровеешь от этой болезни”, то возьмешь ли врача или не возьмешь, выздоровеешь. Также если от вечности высказывание “Ты от этой болезни выздоровеешь” было ложным, то возьмешь ли врача или не возьмешь, не выздоровеешь» и так далее. (30) Хрисипп опровергал этот софизм. Есть, говорил он, в вещах кое-что простое и кое-что связанное (*copulata*). В высказывании «Сократ умрет в такой-то день» говорится о простом факте: определен день смерти Сократа независимо от того, предпримет ли что-нибудь Сократ или не предпримет. Но если кто предскажет: «У Лая родится Эдип», то в этом случае невозможно сказать: «Вступит ли Лай в сношение с женой или не вступит», потому что эти события связанные. Хрисипп их называет «соопределенными» (*confatales*); он называет их так потому, что так суждено, что Лай с женой должен будет совокупиться, и от этого Эдипу должно родиться. Это как если бы было сказано: «Милон³² будет состязаться на Олимпийских играх», и тот, кто добавил бы: «Итак, будет ли у него соперник или не будет никакого — будет состязаться», совершил бы ошибку, потому что «будет состязаться» является связанным, ведь без соперника не может быть никакого состязания. И все подобные софизмы опровергаются таким же образом. «Возьмешь ли врача или не возьмешь — выздоровеешь» как раз является таким софизмом. Потому что обращение к врачу в такой же мере фатально, как и выздоровление. Эти события Хрисипп, как я сказал, называет «соопределенными» (*confatalia*). XIV. (31) А Карнеад все подобного рода [софизмы] не одобрял, а приведенный считал совсем непродуманным. И он прижимал стоиков [к стене] иным способом, без всяких хитростей. Вот как он рассуждал: «Если все происходит по предшествующим причинам, то, значит, все происходит в силу естественного, непрерывного сцепления и переплетения причин; и если это так, то всем вершит необходимость. А если это верно, то ничто не в нашей власти. В действительности же кое-что в нашей власти. А если бы все совершалось судьбой, то это означало бы, что все происходит по предшествующим причинам. Значит, не всё, что происходит, происходит от судьбы». Невозможно этому рассуждению придать более сжатую форму. (32) Так как если бы кто захотел обратить это высказывание и сказать: «Если всякое будущее истинно от вечности, так что оно определенно так произойдет, каким образом должно произойти, то все необходимо происходит вследствие цепи взаимосвязанных и взаимопереплетенных естественных причин», то он этим ничего не докажет. Ибо есть большая разница, делает ли будущее от вечности истинным природная причина, или и без этой природной вечности можно понять, что то, чему предстоит произойти в будущем — истинно. Поэтому Карнеад говорил, что даже сам Аполлон может предсказать только такие будущие события, причины которых содержатся в природе, так как эти события должны необходимо произойти. (33) А по каким, например, признакам этот самый бог мог бы предсказать, что Марцелл (тот, что был трижды консулом) должен погибнуть в море?³³ Это событие, хотя и было истинным от вечности, но оно не имело действующих причин. Карнеад считал, что Аполлон не может знать даже прошлого, если от него не осталось никаких следов, никаких признаков; тем более — будущего. Узнать, что произойдет в будущем, можно, только узнав [подготовившие его] действующие причины. Так что Аполлон не мог бы предсказать, что Эдип убьет своего отца, потому что в природе вещей не было заложено никаких причин, в силу которых он необходимо должен был убить своего отца. Аполлон не мог предсказать ничего подобного.

XV. Стоики, настаивающие на том, что все совершается судьбой, должны признавать и подобные оракулы, и все остальное, что относится к дивинации. Но для тех, кто ограничивается утверждением, что то, что должно произойти в будущем, истинно от вечности, — это признавать нет необходимости. Для них причина не то же самое, что для стоиков. Те более стеснены, у этих мысль не связана и свободна. (34) Потому что они, если даже соглашались [со стоиками], что ничто не может произойти без предшествующей причины, но

раз они считают, что эта причина не связана с извечной цепью причин, то что это дает [стойкам]? Ведь причина здесь та, что произвела то, чему она является причиной, как, например, ранение — смерть, нездоровая пища — болезнь, огонь — тепло. Итак, под причиной следует понимать не все то, что чему-то предшествовало, но что и предшествовало, и совершило то, чему было причиной. Например, то, что я вышел на поле, не было причиной, того, что я стал играть в мяч. И не Гекуба была причиной гибели троянцев, из-за того, что она родила Александра, и не Тиндарей, от которого родилась Клитемнестра, был причиной смерти Агамемнона. Ведь [если рассуждать, как стоики], то можно сказать, что путник, так как был хорошо одет, был причиной того, что разбойник его ограбил. Это вроде как у Энния:

(35) О, если б в роще Пелиона не упасть
На землю соснам, топорами срубленным³⁴...

Можно по этому пути пойти дальше: «О, если бы на Пелионе никогда не росло бы никаких деревьев!..», и еще дальше: «О, если б совсем не было горы Пелион!..» И так без конца. Как у Энния:

И никогда оттуда не возник бы тот
Корабль...

К чему это обращение к прошлому? Потому что далее следует:

Не бросила бы дома госпожа моя,
Медея, злой любовью в сердце ранена.

Хотя вовсе не те были причины, вызвавшие любовь Медеи.

XVI. (36) Они говорят, что есть большая разница между тем, без чего что-то не может произойти, и тем, отчего что-то необходимо должно произойти. Нельзя называть причиной то, что не производит собственной своей силой того, чего оно считается причиной. И нельзя называть также причиной то, без чего что-нибудь не происходит; причина — это то, что своим наличием необходимо производит то, чему оно является причиной. До того как Филоктет был укушен змеей, разве была какая-нибудь причина в природе вещей, по которой он должен был быть оставленным на острове Лемносе?³⁵ Но после укуса появилась эта ближайшая и непосредственно связанная с тем, что его оставили, причина. Суть (ratio) события открыла его причину. (37) Но извечно истинным было это высказывание: «Останется на острове Филоктет», и оно не могло из истинного превратиться в ложное. Необходимо, чтобы из двух противоположностей (я здесь называю «противоположностями») два таких [высказывания], из которых одно утверждает то, что другое отрицает), необходимо, повторяю, чтобы из двух высказываний подобного рода, вопреки Эпикуру, одно было истинным, другое — ложным; как, например, «Филоктет будет укушен» было извечно истинным, а «не будет укушен» — ложным; если только мы не захотим следовать за мнением эпикурейцев, которые говорят, что подобные высказывания ни истинны, ни ложны. Они же, если этого постыдятся, то могут сказать такое, что еще постыднее, а именно, что дизъюнкции из противоположных высказываний истинны, но по содержанию высказанного в них ни одно не истинно. (38) Какое поразительное бесстыдство и жалкое невежество в логике! Ведь если что-то в сказанном не истинно и не ложно, то оно определено не истинно. А так как оно не истинно, то как оно может быть не ложно? Или то, что не ложно, как может быть не истинно? Итак, будем придерживаться того мнения, которое защищает Хрисипп, а именно, что всякое высказывание или истинно, или ложно. А отсюда мы вынуждены сделать вывод, что кое-что может быть извечно истинным и в то же время не связанным с извечными причинами и свободным от необходимости судьбы.

XVII. (39) Мне же все это представляется следующим образом. Древние философы выдвинули два мнения: одно, по которому все таким образом происходит от судьбы, что эта судьба несет силу необходимости, — этого мнения придерживались Демокрит, Гераклит, Эмпедокл, Аристотель. Другое мнение разделялось философами, считавшими, что самопроизвольные движения души не обусловлены никакой судьбою. А Хрисипп, словно почетный примиритель, предпочел занять позицию посередине, но склонялся все же более к тем, которые хотели избавить душевные движения от [цепей] необходимости. Да запутавшись в своих словах, он попал в трудное положение и невольно оказал поддержку сторонникам фатальной необходимости. (40) Как это получается, можно увидеть, если угодно, на примере с «одобрениями» (“assensiones”), о которых я говорил в первой речи. Те древние [философы], которым казалось, что все происходит в силу судьбы, утверждали, что и одобрения складываются силой необходимости. Другие же философы, несогласные с первыми, освобождали одобрения от власти судьбы и утверждали, что если подчинить наши одобрения судьбе, то это значит подчинить их необходимости. Эти рассуждали следующим образом: «Если все происходит от судьбы, то, значит, все происходит по предшествующей причине; а если и желания наши [происходят по предшествующей причине], то также и то, что является следствием [наших] желаний, значит, также и наши одобрения. Но если причина [наших] желаний не заключается в нас самих, то и сами желания не в нашей власти. А если так, то не от нас зависит и то, что совершается вследствие [наших] желаний. Стало быть, ни наши одобрения, ни наши действия не в нашей власти. И выходит, что никак не заслуживаем мы ни похвалы, ни порицания, ни почести, ни наказания. Но так как это неправильно, то, считают эти философы, правдоподобнее заключить, что не все, что происходит, происходит в силу судьбы.

XVIII. (41) Хрисипп же, который и необходимость не признавал, и вместе с тем учил, что ничто не происходит без предшествующих причин, предложил различать два рода причин с тем, чтобы и признания необходимости избежать, и судьбу сохранить. Среди причин, говорит он, есть абсолютные и изначальные и есть вспомогательные и ближайшие. Поэтому, когда мы говорим, что все совершается судьбою через посредство предшествующих причин, то мы имеем в виду не абсолютные и изначальные причины, но причины вспомогательные и ближайшие. Итак, против того вывода, которым я только что заключил, он возражает следующим образом: если все совершается от судьбы, то из этого следует, что все совершается по предшествующим причинам, однако не изначальным и абсолютным, а вспомогательным и ближайшим. И если эти причины сами не в нашей власти, то из этого не следует, что и наши желания также не в нашей власти. А последнее было бы неизбежным, если бы мы признали, что все происходит по причинам абсолютным и изначальным, ибо, когда эти-то причины не в нашей власти, то и желания наши тоже были бы не в нашей власти. (42) Поэтому упомянутое выше заключение имеет силу против тех, кто вводит судьбу таким образом, что присоединяет к ней необходимость, но оно не имеет никакой силы против тех, кто предшествующие причины не считает ни абсолютными, ни изначальными. Еще легче, считает он, можно объяснить, как понимать сказанное, что одобрения происходят по предшествующим причинам. Ибо хотя одобрение не может возникнуть, не будучи вызвано впечатлением (*visum*), однако, поскольку это впечатление имеет ближайшую причину, а не изначальную, то, по Хрисиппу, как я уже сказал ранее, получается не то, что одобрение может возникнуть без всякого внешнего воздействия (так как необходимо ведь, чтобы оно было вызвано впечатлением), но нечто подобное тому, что происходит с вращающимся цилиндром или хрисипповым волчком: они могут начать двигаться, только получив толчок. Но когда это произошло, то, считает Хрисипп, и цилиндр вращается, и волчок крутится по собственной своей природе, что играет главную роль.

XIX. (43) Тот, кто запустил волчок, говорит Хрисипп, только привел его в движение, но не придал ему вращение. Так и объект, который мы чувственно воспринимаем, как бы оставляет в нашей душе отпечаток, знак своего образа, но одобрение будет в нашей власти. С

одобрением происходит подобное тому, что сказано о волчке: оно получает толчок извне, а все остальное производится своей собственной силой и природой. Так что, если что-нибудь происходило бы без предшествующей причины, было бы то ложно, что все происходит в силу судьбы; если же правдоподобно, что всему, что бы ни происходило, предшествует причина, то как можно избежать признания, что все происходит в силу судьбы? Надо только помнить, что между причинами есть различие и несходство.

(44) При таком объяснении Хрисиппа получается, что если бы те, кто отрицают, что наши одобрения происходят от судьбы, вместе с тем признавали, что одобрения производятся не без предшествующего впечатления, то они рассуждали бы иначе, чем он. Но если они согласны, что впечатления предшествуют, и, однако, не признают, что наши одобрения происходят от судьбы, так как указанная ближайшая и непосредственная причина не вызывает одобрения, то они, пожалуй, говорят то же, [что и Хрисипп]. Ведь и Хрисипп, соглашаясь с тем, что ближайшая и непосредственная причина одобрения заключается во впечатлении, но что не эта причина необходима для возникновения одобрения, не признает, что если все происходит в силу судьбы, то все совершается по предшествующим и необходимым причинам. Так же и те, которые не согласны с этим, но признавая, что не может быть одобрений без предшествующих впечатлений, сказали бы, что если бы все совершалось такого рода судьбой, в силу которой ничего не происходило бы без предшествующей причины, то следовало бы признать, что все происходит в силу судьбы. Из сказанного легко понять, что поскольку обе стороны, изложив свои мнения, пришли к одному и тому же выводу, то, значит, расходились они на словах, а не на деле. (45) Вообще же, если иметь в виду то различие, что о некоторых событиях можно справедливо сказать, что предшествующие [им] причины таковы, что не в нашей власти, чтобы не произошло то, чему были эти причины, а о некоторых событиях, тоже вызванных предшествующими причинами, можно сказать, что в нашей власти, чтобы это произошло по-иному, то такое различие признают обе стороны. Но одни считают, что когда событиям предшествуют причины такого рода, что не в нашей власти, чтобы эти события произошли иначе, то эти события производятся судьбой; а которые в нашей власти, к тем судьба не причастна... [Лакуна]

XX. (46) Стало быть, вот как надо решать это дело, а не искать помощи от блуждающих и уклоняющихся от своих путей атомов. «Атом, — говорит Эпикур, — отклоняется». Во-первых, почему? По Демокриту, атомы получают некую силу движения от толчка, который он называет *plaga*, по-твоему, Эпикур, — от тяжести и веса. А что же это за новая причина в природе, которая отклоняет атом? Или атомы бросают между собой жребий, которому отклониться, которому нет? И почему они отклоняются на ничтожнейшее расстояние, а не на большее? И почему именно на одно такое расстояние, а не на двойное? Не на тройное? Так проблема не решается. Потому что ты, Эпикур, не объясняешь отклонение и движение атома ни толчком извне, ни какой-нибудь иной причиной, влияющей на него из той пустоты, сквозь которую атом несется, ни какой-то переменной, которая происходит в самом атоме и которая побуждает его изменить свое естественное движение под влиянием тяжести. И вот, не приведя никакой причины, которая могла бы вызвать это отклонение, он, Эпикур, считает, что сказал новое слово, высказав такое, что все умные люди с презрением отвергают. А по-моему, больше всех укрепляет веру не только в судьбу, но и в необходимость, и силу всего происходящего, и больше всех отвергает произвольные движения души тот, кто, сознавая свою неспособность по-другому возразить против судьбы, прибегает к выдуманным отклонениям атомов. Между тем пусть даже атомы существуют, что, впрочем, мне никто никоим образом не сможет доказать, эти отклонения никогда не удастся объяснить. Ибо если атомам присуще естественно-необходимое [движение] от тяжести, потому что всякое тело, имеющее вес, если этому ничто не препятствует, необходимо движется и несется [по прямой, сверху вниз], то необходимо, чтобы и движение отклонения было также естественно присуще некоторым или, если [эпикурейцы] того хотят, всем атомам...»³⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Начало трактата не сохранилось ни в одном из известных списков.
2. Ср.: *Квинтилиан*. Наставление оратора, VI, 2; 8; XII, 2, 10.
3. *Особое название* — «моральная» (*moralis*) — это слово вводится как новообразование.
4. Ср.: О дивинации, II, 150.
5. Упомянутое имение Цицерона находилось в Путеолах, приморском городе близ Неаполя.
6. *Не могу ли я послушать* — стоит отметить, что собеседник Цицерона выведен здесь как слушатель, а не как оппонент в отличие от предыдущих двух трактатов. «О судьбе» предстает не как диалог, а скорее как монолог.
7. *Философской системой, которой мы следуем* — т. е. Новой Академии. Об отношении Новой Академии к ораторскому искусству — ср.: *Цицерон*, Об ораторе, III, 80.
8. Ср.: *Плиний*. Естественная история, VII, 51. «Поэт Антипатр Сидонский каждый год в день своего рождения заболел лихорадкой, от нее же он и умер уже в глубокой старости». Ср.: *Валерий Максим*, I, 8, 16.
9. *Братьями, одновременно болевшими* — Августин в «Граде божьем» (V, 2, 5) пишет, что вычитал у Гиппократов, знаменитого греческого врача, о двух братьях, которые одновременно заболели и одновременно выздоровели. Отсюда Гиппократ сделал вывод, что это были близнецы. Стоик же Посидоний, признававший влияние звезд на человеческую жизнь, объяснил этот случай из жизни братьев тем, что они родились под одной звездой.
10. *С мочой, ногтями и прочим, в том же роде* — древние врачи по моче и ногтям делали выводы о состоянии здоровья больного. Ср.: *Цельс*. О медицине, II, 6. Стоики в этом усматривали примеры «симпатии», т. е. взаимосвязанности всего со всем в мире.
11. *С потерпевшим кораблекрушение, с Икадием, с Дафитом* — Посидоний сообщает о некоем человеке, не называя его имени, которому было предсказано, что он умрет в воде. Он уцелел при кораблекрушении, но утонул в канаве. О разбойнике *Икадии* ближе неизвестно. *Дафит*, грамматик из Тельмеса (II в.), жил при дворе пергамского царя Аттала. О нем сохранился рассказ, что он однажды издевательски спросил дельфийского оракула, найдет ли он своего коня? Оракул ответил: найдет. Дафит посмеялся над оракулом и сказал, что никогда не имел коня и никогда не терял. Но вскоре царь Аттал, который разгневался на Дафита из-за его злоречия, приказал его сбросить со скалы, которая называлась «Конь». Ср.: *Страбон*. География, XIV, 39; *Валерий Максим*, I, 8, 8.
12. *Прошу прощения у моего учителя* — Цицерон слушал лекции Посидония. Ср.: О природе богов, I, 6.
13. Македонский царь Филипп получил от оракула предупреждение остерегаться опасности от квадриги (колесницы, запряженной четверкой лошадей). Он в течение всей жизни не только избегал ездить в квадриге, но даже отказался посетить местность в Беотии, носившую название «Квадрига». Но в конце концов он был убит кинжалом, на рукоятке которого, из слоновой кости, была вырезана квадрига.
14. *Цицерон* не отрицает полностью влияния местных природных условий, но считает влияние их не столь определяющим, как это утверждал Хрисипп. Ср.: *Цицерон*. О дивинации, II, 33—34; II, 96.
15. На *Истме* в Коринфе происходили игры в честь Посейдона раз в пять лет. В *Немее* (Арголида, Южная Греция) в честь Геркулеса — раз в три года.
16. *Календы* — первое число каждого месяца; иды — 13-е или 15-е число. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, II, 113—120.
17. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, II, 113—120.
18. *Диодор* по прозванию Кронос, философ Мегарской школы (III в.). О нем см.: *Диог. Лаэрт.*, II, 111.
19. *Если Фабий родился* — здесь «Фабий» употреблено в смысле «имярек»; применительно к рабу употреблялось другое имя «Маний». Ср.: *Цицерон*. О дивинации, II, 34.
20. *Эта гемма* — на кольце у Цицерона.

21. *Кипсел* — коринфский тиран (VII в.). Ср.: *Геродот. История*, V, 92.
22. В действительности Сципион Африканский овладел Карфагеном (146 г.), и город был разрушен.
23. *У кого пульс бьется* — Ср.: *Цицерон. О природе богов*, II, 138.
24. Ср.: *Цицерон. Топики*, XIV.
25. Речь идет о *Публии Корнелии Сципионе Эмилиане* (185—129), разрушителе Карфагена, который не болел и однажды был найден мертвым в своей постели. Распространились слухи, что он отравлен политическими врагами.
26. Цицерон имеет в виду учение Эпикура о самопроизвольном отклонении атомов. Ср.: *О природе богов*, I, 69; *Лукреций, О природе вещей*, II, 251; II, 217.
27. Ср.: *Лукреций. О природе вещей*, I, 151; II, 243.
28. Ср. *Цицерон. Топики*, XV.
29. *Неприемлемо* — Ср.: (40).
30. Ср.: *Диог. Лаэрт.*, X, 61; *Лукреций. О природе вещей*, II, 83; II, 185.
31. *Нуманция* — город в Испании, в 133 г., после долгой осады, был захвачен Сципионом Африканским Младшим и разрушен до основания.
32. *Милон* — прославленный древнегреческий атлет (родом из Кротона в Южной Италии), VI в.
33. Ср.: *Цицерон. О дивинации*, II, 14, *примеч.*
34. Ср.: *Цицерон. О природе богов*, III, 79, *примеч.*
35. *Филоктет* — легендарный царь Мелибеи (в Фессалии). Он принял участие в Троянской войне на стороне ахейцев, но в пути, во время высадки на о. Лемнос, был ужален змеей и по этой причине оставлен на острове.
36. Окончание трактата не сохранилось.